

— А? Я... Я в порядке, мама! — Чжан Сяолун, услышав материнский голос, снова взглянул на себя. За короткий срок он изрядно исхудал, седые волосы предательски проступили на висках, отчего сердце сжалось от неловкости. Он бросил взгляд на Лу Дашаня, который, казалось, уже предвкушал триумф. Несмотря на мягкий характер, Чжан Сяолун не смог скрыть вспышку гнева и едкой усмешки в глазах. — Дядя Большая Гора, вы пожаловали ко мне? Спасибо, что не забыли! — проговорил он с сарказмом. — Ты... Ты действительно проснулся? — заикался Лу Дэшань, растерянный неожиданным поворотом событий. — Что? Неужели дядя Дашань считает, что я должен лежать в постели до конца своих дней? Чтобы он мог безнаказанно издеваться над моими родителями и выпрашивать у вас деньги на лотерею? — в голосе Чжан Сяолуна зазвучал яростный гнев. Он мог многое стерпеть, но не мог смириться с тем, что кто-то воспользовался его болезнью, чтобы причинить вред его семье. — Посмотри, что ты говоришь... — Лу Дашань растерялся. Он был из тех, кто третировал слабых, но трепетал перед сильными. Глядя на Чжан Данью и его жену, он терял уверенность, и первое, что приходило ему в голову, — это заработать денег. Но, поскольку Чжан Сяолун внезапно пришел в себя и начал отстаивать свои права, он, естественно, потерял смелость просить деньги. — Разве я не прав? — Чжан Сяолун не хотел показывать Лу Дашаню свою слабость. Хотя он и был вежлив, он хотел, чтобы дядя Большая Гора понял, что сегодня он не потерпит никаких глупостей. Даже если бы у них была помолвка, и даже если бы они вернули все подарки, он не заплатит никакого выкупа. Как они смеют так преследовать его?! Чжан Данью ликовал. Несмотря на то, что он все еще переводил дыхание, он почувствовал внезапный прилив сил. — Лу Дашань, мой сын прав. Мы вернем подарки на помолвку и не будем платить за лотерею. — Хорошо. — Лю Мэй, сосредоточив все внимание на пробудившемся сыне, забыла об их прежних разногласиях. — Сяолун, не спорь больше с дядей Большой Горой. Будем считать, что этот вопрос решен. Лицо Лу Дашаня покраснело от гнева. Он опустил глаза и собрался уходить. Однако, когда он задумался, гнев в его сердце никак не мог утихнуть. Он не смог удержаться и пробормотал: — Какой смысл просыпаться сейчас? Я слышал от дочери, что ты уже два месяца не подавал документы в колледж, так что, скорее всего, тебя уже лишили права на поступление. Я думал, ты лучший ученик по предметам Джин, Литературная звезда? А теперь ты никто. — Ерунда! — Чжан Данью снова забеспокоился, услышав это. Его сын, находившийся в вегетативном состоянии, даже не думал подавать документы в колледж. Теперь же, когда речь зашла об этом, Чжан Данью почувствовал, что что-то не так. — Я что, несу чушь? Если не веришь мне, пойди и поспрашивай. — Лу Дэшань насторожился, словно нашел возможность одержать верх, ведь Чжан Сяолун, скорее всего, пропустил срок подачи документов в колледж. — Почему бы тебе не спросить своего драгоценного сына? Я, Большой Босс, может быть, не очень хорошо разбираюсь, но разве ваш сын не должен быть лучшим ученым? Как я могу не знать? — Сяолун, ты действительно не подал заявку? — И Чжан Данью, и его жена с тревогой смотрели на своего сына. Вместо прямого ответа Чжан Сяолун холодно взглянул на Лу Дэшаня и сказал: — Дядя Большая Гора, похоже, вы очень беспокоитесь обо мне. Даже если я не смогу сдать экзамен в этот раз, неужели ты не понимаешь, что в следующем году я смогу попробовать еще раз? Если мне удастся сдать экзамен один раз, я смогу сделать это снова. — Ты ведешь себя так, будто университет — это собственность твоей семьи... — пробормотал про себя Лу Дашань, глядя на Чжан Сяолуна, излучавшего уверенность. Несмотря на то, что он ворчал, внутри он чувствовал себя очень расстроенным, ощущая, что на этот раз он облажался. Когда Чжан Сяолун очнулся, он заметил, что его глаза светятся ярче, чем до обморока. Хотя он не мог выразить это словами, но чувствовал, что Чжан Сяолун способен на великие дела. Теперь он глубоко сожалел о своем поступке. Если бы он пришел на день позже, то смог бы сохранить репутацию "Чжан Сяолун был на грани смерти, но не сказал о разрыве помолвки". Таким образом, брак между его дочерью Сяоя и Чжан Сяолуном был закреплен. Учитывая темперамент Чжан Данью, если бы Чжан Сяолун не согласился, он бы силой заставил их пожениться. Однако Чжан Данью и его жена не стали применять силу против него, они и так уже дали ему по морде. Неужели они ожидали, что он вмешается в их дела? Похоже, что его

дочь не была обречена на такую удачу. Иначе зачем бы она позволила ему вмешиваться в то, что изначально было благоприятным? Как раз в тот момент, когда Чжан Сяолун собирался заговорить, в его груди вдруг появилось знакомое тепло, почти такое же, как на кровати. При мысли о том, что маленький черный котелок может появиться вновь и напугать его родителей, по позвоночнику пробежали мурашки. — Мама, я, пожалуй, вернусь в свою комнату и немного отдохну... — Чжан Сяолун проболтался, не заботясь ни о чем другом. Он развернулся, бросился в другую комнату и захлопнул дверь. Лу Дашань понял, что Чжан Сяолун больше не хочет с ним разговаривать, и, чувствуя себя неловко, развернулся и ушел. — Папа, почему ты здесь? — В этот момент раздался чистый девичий голос. Глаза всех присутствующих загорелись. Девушка была высокой и стройной, ее иссиня-черные волосы небрежно лежали на плечах. Ее нежное и миловидное лицо слегка покраснело, а в больших водянистых глазах читалась растерянность. Одета в полотняную юбку, она выглядела невинной и милой. Если бы она не обратилась к Лу Дашаню "папа", никто бы не поверил. Это был Лу Сяоя, которая менее двух месяцев назад уехала в Яньцзин поступать в колледж. — Сяоя? Что заставило тебя вернуться? — Лу Дашань удивленно посмотрел на свою дочь. Она должна была сейчас находиться в школе Яньцзина. — Поскольку в школе три выходных дня, а между ними пять воскресений, я воспользовалась случаем и приехала погостить, — сказала Лу Сяоя, не обращая внимания на их взгляды. Он повернулся к Чжан Данью и его жене и спросила: — Как поживает старший брат Сяолун? Ему лучше? — Ему лучше, — ответила Лю Мэй, глядя на все более прекрасную Лу Сяю. Она не могла отделаться от чувства сожаления по поводу отмененного брака. — Сяолун сказал, что устал, и пошел немного отдохнуть в свою комнату. Сяоя, пожалуйста, присаживайся. Тетушка принесет тебе воды. Лицо Лу Сяоя озарилось радостью. — Старший брат Сяолун проснулся? Как здорово! Я как раз собиралась поделиться хорошими новостями. — Я обратилась в Яньский университет, — начала Лу Сяоя, — объяснила всю ситуацию с Сяолуном. И они пообещали предоставить ему годовой отпуск. Если Сяолун уже выздоровел, то... ну, вы понимаете! — Лу Сяоя хитро подмигнула. — Правда? — Чжан Данью и его жена переглянулись, лица их сияли от волнения. — Совершенно верно, — засмеялась Лу Сяоя. — Я примчалась сюда, чтобы рассказать вам, даже не вернувшись сначала в деревню! — О боже, это... Большое спасибо! — Чжан Данью был вне себя от радости и не находил слов. Лю Мэй даже пожалела, что не может достать все самые вкусные блюда, чтобы как следует отблагодарить Лу Сяю. Иметь в деревне студента колледжа — это уже не мало, тем более такого, как Лу Сяоя! Теперь не только сын выздоровел, но и вопрос с университетом был решен — это был настоящий двойной праздник! Лу Дашань заметил, как переполняет Чжан Данью и его жену счастье, и забеспокоился, что его присутствие может испортить им настроение. Он быстро сообщил об этом дочери и, словно растворившись в воздухе, незаметно удалился. "Дочь, станешь ли ты членом семьи Чжан, зависит только от тебя. Отец от всей души поддержит тебя!" — подумал Лу Дашань, прощаясь с ними взглядом. Гармоничная атмосфера, царившая в комнате, была нарушена внезапным появлением Чжан Сяолуна. Он вышел из комнаты и, словно холодный ветер, пронесся по комнате, — "Я больше не хочу поступать в университет".